

Русская мысль 1894 №3 год
пятнадцатый
Русская мысль год 16 книга 9 Москва

Былинное преданіе въ Олонецкой
губерніи* .

Уже въ 60-хъ годахъ знакомство съ произведеніями народной словесности, особенно съ былинами, было внесено въ программу русскаго языка среднихъ учебныхъ заведеній. Въ теченіе тридцатилѣтія русская наука прилежно занимается изслѣдованіемъ народнаго эпоса, уясняетъ происхожденіе былинныхъ сюжетовъ, ихъ исторію, складъ, языкъ. Но не одному кружку ученыхъ специалистовъ наша народная поэзія представляется предметомъ, достойнымъ вниманія и изученія. Къ чести нашего общества, нашей литературы и печати нужно сказать, что

* Публичная лекція, прочитанная въ засѣданіи Этнографическаго отдѣла 1 января 1894 года.

нигдѣ, въ Европѣ интересъ къ народу, его жизни, изученію его прошлаго и настоящаго, его духовнаго склада не поднять такъ высоко, не согрѣтъ такимъ живымъ сочувствіемъ, какъ въ нашемъ отечествѣ. Въ обществѣ народъ, его судьба, его значеніе и проч. служатъ не однимъ украшеніемъ салонныхъ разговоровъ, но чувствуется живая потребность узнать его жизнь, сблизиться съ нимъ духовно, принести ему матеріальную пользу. Изыщная словесность въ безчисленныхъ повѣстяхъ и очеркахъ воспроизводитъ народные типы, рисуеъ складъ народной жизни, раскрываетъ міръ понятій и чувствъ народа. Науки соціально-экономическія собираютъ цифровыя данныя о его матеріальномъ бытѣ и изыскиваютъ условія къ его улучшенію. Разные вопросы, связанные съ его интересами, ежедневно мелькаютъ передъ нами на столбцахъ газетъ. Наши композиторы черпаютъ мотивы изъ народной музыки и художественно ихъ разрабатываютъ. Наши художники съ любовью изображаютъ

народные и типы и сцены. Наконецъ, та научная область, которая посвящаетъ себя всецѣло изученію матеріальнаго и особливо духовнаго быта народа, — этнографія — породила за послѣднее 30-тилѣтіе огромную литературу въ видѣ изслѣдованій и сборниковъ народныхъ пѣсенъ, преданій, сказокъ, легендъ, пословицъ, заговоровъ, юридическихъ обычаевъ и проч., и проч. Этимъ высокимъ интересомъ къ народу, въ данномъ случаѣ къ его старинной пѣснѣ, позволяю я себѣ объяснить и многочисленность сегодняшняго нашего собранія. Мы собрались здѣсь, чтобы послушать олонецкаго «сказителя» Ивана Трофимовича Рябинина, отецъ котораго обогатилъ сборники былинь Рыбникова и Гильфердинга цѣлымъ рядомъ лучшихъ №№ всего нашего былиннаго репертуара. Большинство изъ присутствующихъ уже въ средней школѣ получили нѣкоторое понятіе о былинахъ, прочли нѣсколько былинь въ хрестоматіяхъ и слышали еще въ школѣ, что гдѣ-то на сѣверѣ Россіи въ народѣ до сихъ поръ живутъ былины въ устной

традиціи. *Кто* въ народѣ поетъ былины, *какъ* онѣ исполняются, *какъ* могли въ устной передачѣ эти произведенія съдой старины, говорящія о Владимирѣ и его богатыряхъ, о Новгородѣ, его купцахъ и удальцахъ, дойти до нашего времени, — все это вопросы, надъ которыми мало останавливаются въ средней школѣ при знакомствѣ съ былинами, и немудрено, что олонецкіе сказители остаются для большинства въ какихъ-то туманныхъ очертаніяхъ. И вотъ лучший представитель этихъ сказителей предъ нами налицо. Изъ занесенной снѣгомъ своей деревеньки Гарницы, Кижской волости, Петрозаводскаго уѣзда, онъ явился сюда, какъ живое преданіе глубокой старины, какъ одинъ изъ послѣднихъ хранителей эпической традиціи. Не изъ хрестоматіи, не изъ печатныхъ сборниковъ, какъ всѣ мы, знаетъ онъ свои былины; да этимъ путемъ, какъ неграмотный, не могъ бы онъ и получить ихъ. Онъ прислушивался къ нимъ въ молодости, когда ихъ Пѣль его отецъ, и онѣ , вмѣстѣ съ напѣвомъ, отложились въ

его богатой памяти, какъ раньше отложились въ памяти его отца. Только въ его пѣніи былина перестаетъ для насъ быть какимъ—то на вѣки закрѣпленнымъ печатью произведеніемъ, какъ всякое другое литературное произведеніе: она чувствуется какъ *словесное*, живое, развивающееся въ частностяхъ, тѣсно слитое съ напѣвомъ и метрически складное. Никакое детальное научное изученіе не можетъ воспроизвести въ нашемъ воображеніи того впечатлѣнія живой старины, которое мы получимъ отъ безискусственного пѣнія олонецакаго крестьянина. Но, прежде чѣмъ вы провѣрите на себѣ это, уже испытанное мною, впечатлѣніе, я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности о научномъ нашемъ знакомствѣ съ олонеккими сказителями и о томъ, въ какомъ видѣ дошли до насъ былины въ ихъ устахъ.

Для изученія того періода, предшествовавшаго письменной литературѣ, который обыкновенно называютъ періодомъ безъискусственной устной поэзіи, Россія представляетъ богатѣйшую почву. Между

ТѢМЪ какъ въ Западной Европѣ уже въ средніе вѣка эпическія пѣсни замолкли въ народѣ и послужили отдѣльнымъ лицамъ къ сложенію искусственныхъ эпопей, сагъ, рыцарскихъ романовъ, которые уже книжнымъ путемъ распространялись въ обществѣ и снова въ своихъ отголоскахъ достигли неграмотнаго простонародья, у насъ еще въ текущемъ столѣтіи записывались былины и историческія пѣсни прямо изъ народныхъ устъ не только на окраинахъ, но даже въ центральныхъ губерніяхъ вблизи городовъ, — фактъ замѣчательной живучести старины и преданія въ нашемъ простонародьѣ. Однако, до конца 50-хъ годовъ русская наука еще не подозрѣвала, что главный очагъ живой эпической традиціи находится въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ отъ Петербурга, въ Олонецкой губерніи. Въ научной литературѣ извѣстенъ былъ сборникъ былинь, записанныхъ еще въ прошломъ столѣтіи въ Сибири и приписываемый Киршѣ Данилову, извѣстно было собраніе былинь изъ поволожскихъ,

сѣверныхъ и центральныхъ губерній, записанныхъ для Кирѣевского. Среди былинь попадались и доставленные изъ Олонецкой губерніи. Но только благодаря пребыванію въ ней П. Н. Рыбникова, благодаря энергичнымъ поискамъ этого энтузіаста народной поэзіи, эпическая старина предстала передъ нами во всей свѣжести и разнообразіи.

Занесенный судьбою, противъ своего желанія, въ Петрозаводскъ, П. Н. Рыбниковъ, бывшій питомецъ Московскаго университета, человѣкъ высокообразованный, вращавшійся въ Москвѣ отчасти въ кружкѣ старшихъ славянофиловъ (Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ), уже раньше собиралъ народныя пѣсни и сказки въ Черниговской губерніи, питалъ живой интересъ къ народной жизни и поэзіи, такъ что и на новыхъ мѣстахъ мечталъ о возможности продолжать свою собирательскую дѣятельность. Но никогда не мечталъ онъ о возможности тѣхъ неожиданныхъ открытій, которыя онъ сдѣлалъ. Съ зимы 1859—

60 года онъ принялся, по его словамъ¹, собирать памятники народной поэзіи, но сначала удавалось записывать только бытовые пѣсни, заплачки и духовные стихи. Сказители былинь какъ-то не попадались ему при его разъѣздахъ, хотя о нихъ доходили до него слухи. Какъ страстно Рыбникову желалось встрѣтить какого-нибудь сказителя былинь, видно изъ слѣдующаго. Отправившись зимою 1859 года на Шунгскую ярмарку (Повѣнецкаго уѣзда), онъ узналъ, что одинъ извѣстный сказитель, по прозванію Бутылка (собств. Абрамъ Евтихіевъ Чуковъ), долженъ находиться или въ Великой губѣ, или въ Сѣнной губѣ. Рыбниковъ бросилъ почтовый трактъ и рѣшился воротиться въ Петрозаводскъ черезъ Заонежье проселочными дорогами и черезъ Онежское озеро. На пути онъ завертывалъ во всѣ мѣста, гдѣ надѣялся найти перехожаго пѣвца, но все напрасно. «Три раза впослѣдствіи, — говоритъ Рыбниковъ, — я преслѣдовалъ Бутылку:

¹ Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, часть III, прил., стр. VI.

два раза изъ—за него мнѣ приходилось въ лютую зиму переѣзжать чрезъ Онего по льду, а лѣтомъ 1860 года переплывать въ дрянной лодченкѣ озеро изъ Кижей до Пудожгорскаго погоста, и все понапрасну. Уже въ 1863 году я успѣлъ познакомиться съ нимъ и со словъ его исправить то, что отъ него было записано прежде другими лицами»². Отыскивая съ такимъ необыкновеннымъ рвеніемъ сказителей былинь посредствомъ развѣдокъ и опросовъ, Рыбниковъ познакомился съ нѣкоторыми отличными знатоками, имена которыхъ извѣстны занимающимся нашимъ былевымъ эпосомъ. Таковы: Трофимъ Рябининъ, Козьма Романовъ, Василій Щеголёнокъ, Никифоръ Прохоровъ и др. Личное знакомство съ сказителями и записи съ ихъ голоса цѣлаго ряда превосходныхъ былинь, точно также какъ довольно продолжительныя наблюденія въ краѣ, дали Рыбникову полную возможность фактически доказать, что былевая поэзія еще бытуеть во многихъ мѣстахъ

² Ibid., стр. X.

Олонецкой губерніи (въ уѣздахъ Петрозаводскомъ, Пудожскомъ, Каргопольскомъ, отчасти въ Повѣнецкомъ, Вышегорскомъ и Лодейнопольскомъ), что въ первыхъ трехъ уѣздахъ каждый крестьянинъ знакомъ съ содержаніемъ былинь и именами нѣкоторыхъ богатырей и что въ Заонежьѣ и на Пудожскомъ побережьѣ у всякаго смышленаго пожилого человека отыщется въ памяти одна—двѣ былины³.

Такимъ образомъ, Рыбниковъ проложилъ путь къ изученію нашего былевого пѣснопѣнія на мѣстѣ, высокій интересъ къ народному эпосу, возбужденный въ обществѣ и наукѣ его сборникомъ, долженъ былъ повести къ новымъ поискамъ живой народной старины въ тѣхъ же краяхъ. Черезъ 4 года, по выходѣ въ свѣтъ 4 тома (1867 г.) собранныхъ Рыбниковымъ пѣсень, по его слѣдамъ пошелъ не менѣе энергичный и преданный дѣлу послѣдователь — покойный славистъ А. О. Гильфердингъ, открытія

³ Ibid., стр. LI.

котораго являются еще болѣе поразительными. Какъ Рыбниковъ, приступая въ 1859 году къ собиранію памятниковъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи, не мечталъ напасть на такое обиліе эпическихъ пѣсень, такъ въ свою очередь Гильфердингъ, отправившись туда на лѣтніе мѣсяцы 1871 года, не могъ въ своемъ воображеніи представить тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыми увѣнчается эта лѣтняя экскурсія его изъ Петербурга. Его манило, по его собственному признанію, въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашель П. Н. Рыбниковъ. «Имѣя въ виду, что сборникъ Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, — говоритъ Гильфердингъ, — я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не рассчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями.

Между тѣмъ, счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя». Счастливымъ случаемъ было знакомство съ однимъ хорошимъ сказителемъ, за этимъ случаемъ послѣдовалъ рядъ другихъ, не менѣе счастливыхъ, и результатомъ 48-ми дневной работы явилось ни болѣе, ни менѣе, какъ слѣдующее положительно богатырское дѣло; запись былинь, содержащая болѣе 2,000 страницъ, писанная вся рукою Гильфердинга; прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны біографическія о нихъ свѣдѣнія, записано и провѣрено 318 пѣсень. Отдавъ все свое время по возвращеніи въ Петербурга обработкѣ всего записаннаго матеріала для печати и отпечатавъ болѣе 20 листовъ, Гильфердингъ на слѣдующее лѣто въ началѣ 1 юня отправился на новые поиски, на новые подвиги. Но не выдержалъ упорной работы и физическихъ неудобствъ его подорванный работой организмъ. Уже скоро пришло печальное извѣстіе о его болѣзни и 20 іюня 1872 года не стало этого

неутомимаго и самоотверженнаго
изслѣдователя.

Изданіе онежскихъ былинь,
записанныхъ Гильфердингомъ и
приготовленныхъ имъ вполнѣ къ печати,
вышло въ 1873 году и можетъ быть названо
образцовымъ въ полномъ смыслѣ этого
слова. Соблюденіе былинныхъ размѣровъ,
точность въ передачѣ особенностей
мѣстнаго говора, указанія мѣстностей,
біографическія данныя о сказителяхъ,
свѣдѣнія о лицахъ, отъ которыхъ тотъ или
другой сказитель «перенялъ» былины,
дневникъ путешествія, личныя наблюденія
мѣстныхъ бытовыхъ особенностей, — все
это дѣлаетъ сборникъ Гильфердинга
незамѣнимымъ источникомъ для изученія
современнаго состоянія народной эпической
традиціи. Если послѣ 1-го тома Рыбникова
къ нашему олонецкому живому эпосу,
казавшемуся тогда поразительнымъ, еще
могло быть предъявлено требованіе объ
оправдательныхъ документахъ, то теперь
такихъ документовъ было слишкомъ
достаточно. Стали извѣстны біографическія

данныя о цѣломъ рядѣ сказителей, а наиболее извѣстные изъ нихъ — Рябининъ, Щеголёнокъ, Касьяновъ — даже были вызываемы въ столицы: Трофимъ Рябининъ, по приглашенію Импер. географическаго общества, пѣлъ свои былины въ Петербургѣ въ 1871 г., Щеголёнокъ и Касьяновъ были въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ пѣли свои былины въ засѣданіи общества любителей русской словесности.

Познакомившись въ общихъ очертаніяхъ съ обиліемъ эпическаго матеріала, доставленнымъ Олонецкою губерніей, всмотримся нѣсколько ближе въ населеніе этого края, чтобы понять условія, при которыхъ ему возможно было стать хранителемъ эпическаго преданія.

Всѣ отзывы лицъ, дѣлавшихъ этнографическія наблюденія въ Олонецкой губерніи, сводятся къ тому, что олонецкіе крестьяне — народъ закаленный въ борьбѣ съ суровою природою, энергичный, предприимчивый, не лишенный чувства собственнаго достоинства и одаренный

поэтической воспріимчивостью⁴. Вдали отъ крѣпостного рабства, которое не коснулось большей части губерніи, народъ ощущалъ себя сравнительно свободнымъ и не терялъ сочувствія (по выраженію Гильфердинга) къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемой въ былинахъ. Дѣйствительно, нельзя не отмѣтить, что въ тѣхъ полосахъ Россіи, гдѣ было въ полной силѣ крѣпостное право, сохранились только жалкіе остатки былинъ и не выработалось въ народѣ традиціи, передающей ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Помимо нашего сѣвера — губерній Олонецкой и Архангельской — былины въ большей сохранности были извѣстны на окраинахъ, у козаковъ (донскихъ, уральскихъ) и въ Сибири (вспомнимъ знаменитый сборникъ Кирши Данилова и сборникъ Гуляева), т.-е. въ мѣстахъ, гдѣ жили потомки вольнолюбиваго населенія, уходившаго на окраины отъ государственныхъ тяготъ. Но, помимо сочувствія къ идеаламъ свободного

⁴ „Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ“, — говоритъ Гильфердингъ, стр. VIII.

человѣка, которое, конечно, бытовало и всюду въ русскомъ крестьянствѣ, но не могло высказываться, въ населеніи Заонежья есть и другое условіе, всего болѣе необходимое для сохраненія эпической старины. Это — твердая вѣра въ возможность фактовъ былевого эпоса, какъ бы они вамъ ни казались чудесными, глубокое убѣжденіе, что лица, вродѣ Ильи Муромца или Тугарина Зміевича, такія же реальныя историческія личности, какъ царь Иванъ Грозный или Петръ Великій. Безъ этой вѣры въ чудесное не можетъ жить эпическая былевая поэзія: если въ народѣ возникъ скептицизмъ, если содержаніе былины въ его глазахъ утратило достовѣрность, перешло на степень сказки—складки, эпическая традиція уже ослабла и неминуемо должна вымереть. Относясь безъ должнаго уваженія къ былинѣ, смотря на нее, какъ на досужій, хотя и интересный вымыселъ, сказитель уже не будетъ стараться «перенять» ее во всей полнотѣ, не будетъ напрягать памяти, чтобы свято сберечь всѣ детали, и ущербъ памяти

будеть восполнять собственнымъ
воображеніемъ. Этой опасной для
эпической традиціи ступени еще не
достигли сказители, но крайней мѣрѣ,
большинство ихъ, въ то время, когда
Гильфердингъ записывалъ былины.
Безусловно вѣрятъ былинамъ и слушатели,
жадно прислушиваясь къ сказителямъ и
всею душой живя и чувствуя вмѣстѣ съ
богатырями. Скептики, которые не всему
вѣрятъ въ былинахъ, по словамъ
Гильфердинга⁵, составляютъ самыя рѣдкія
исключенія.

Благодаря такому серьезному отношенію
къ былевой пѣснѣ, она не низводится до
степени праздной забавы, вродѣ
лирическихъ пѣсень, хороводныхъ,
качельныхъ, игровыхъ, —забавы, приличной
молодости. Напротивъ, былины поются
крестьянами солидными, зрѣлаго возраста
или стариками, людьми, уважаемыми всею
деревней, исправными домохозяевами,
нерѣдко даже весьма зажиточными, въ

⁵ *Гильфердингъ*, стр. XIII.

чемъ можно убѣдиться, просмотрѣвъ библиографіи сказителей.

Вмѣстѣ съ былинами нѣкоторые сказители поютъ и духовные стихи, что нерѣдко отражается и на складѣ нѣкоторыхъ былинъ.

Любовь къ пѣнію и слушанію былинъ еще изстари укоренилась въ краѣ и сохранилась кое-гдѣ и до нашихъ дней. «Встарину, — рассказывалъ Рыбникову сказитель Романовъ, — соберутся, бывало, старики и бабы вязать сѣти, и тутъ сказители, а особенно Илья Елустафьевичъ, стануть пѣть былины. Начнутъ они передъ сумерками, а пропоютъ до глубокой ночи»⁶. Даже въ городскомъ населеніи г. Пудожа въ старое время былевья пѣсни были въ большомъ ходу. «Лѣтъ 50 тому назадъ, не только купцы и мѣщане, но и чиновники сходились по вечерамъ на бесѣдѣ, чтобы слушать былины»⁷. По словамъ одного изъ сказителей, Андрея Сорокина, онъ

⁶ *Рыбниковъ*, ч. III, стр. XXIV.

⁷ Тамъ же, стр. XXXI.

выучился былинамъ мальчикомъ и молодымъ человекомъ, когда живаль подолгу на мельницѣ, гдѣ собиралось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и коротали время, распѣвая «старины»⁸. По сообщенію калики Латышова Рыбникову, онъ пѣлъ былины въ Архангельской губерніи, гдѣ по деревнямъ богатые крестьяне, а въ уѣздныхъ городахъ купцы и даже чиновники любятъ слушать рассказы о богатыряхъ⁹.

Любопытно и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на сѣверо-востокъ отъ Онежскаго озера (на Водлозерѣ), по словамъ Гильфердинга, эпическая поэзія только начинается водворяться, заносимая съ разныхъ сторонъ¹⁰, такъ что, исчезая въ однихъ мѣстахъ, она дѣлаетъ новыя завоеванія.

Отсюда покойный изслѣдователь дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «нѣтъ

⁸ Гильфердингъ, столб. 372.

⁹ Рыбниковъ, ч. III, стр. XXXIV.

¹⁰ Гильфердингъ, стр. XXXI.

никакого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ и можетъ тамъ долго—долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнуть промышленное движеніе и школа»¹¹.

Собирая свѣдѣнія о томъ, отъ кого тотъ или другой сказитель научился былинамъ, Гидьфердингъ могъ иногда по живымъ слѣдамъ намѣтить недавнее распространеніе традиціи: такъ, одинъ сказитель (Нигозеркинъ) выучился былинамъ осенью 1870 года отъ старика, проѣзжавшаго изъ—за Кенозера черезъ его деревню и два раза проводшаго ночь въ его избѣ¹². Другой (Курниковъ) заявлялъ, что былину о Кострюкѣ онъ перенялъ не задолго передъ тѣмъ (также въ 1870 году) отъ прохожаго мужичка, который, зная только одну эту былину, ходитъ изъ дома въ домъ просить милостыни и тутъ поетъ свою былину¹³. При

¹¹ Тамъ же, стр. XXI.

¹² Тамъ же, ст. 1022.

¹³ Тамъ же, ст. 1329.

опросѣ сказителей оказывалось, что иногда традиція идетъ либо отъ матери, но чаще отъ отца и дѣда, такъ что можно было отмѣтить три поколѣнія въ той же семьѣ (такъ, по словамъ Швецова, его дѣдъ славился, какъ знатокъ былинь, а его сынъ перенялъ почти всѣ былины, которые онъ самъ знаетъ)¹⁴. Если мы примемъ въ расчетъ, что иногда внукъ, сказывавшій свои былины, идущія отъ дѣда, уже былъ человѣкъ солиднаго возраста (въ 70-хъ годахъ), то традицію можно прослѣдить до 2-й половины XVIII в. Широко распространенная въ населеніи любовь къ былинамъ окружала особеннымъ уваженіемъ извѣстныхъ сказителей, обладавшихъ выдающимся репертуаромъ. Такихъ сказителей, каковъ былъ встарину Елустафьевъ, слушали всегда съ особеннымъ вниманіемъ и «перенимали» ихъ былины. Отъ Елустафьева научился былинамъ не менѣе извѣстный сказитель Трофимъ Рябининъ, котораго репертуаръ весь вошелъ въ сборники Рыбникова и

¹⁴ Тамъ же, ст. 1293.

Гильфердинга, и еще нѣсколько другихъ сказителей. Объ одномъ извѣстномъ въ свое время каликѣ Мѣщаниновѣ его выученикѣ Фепоновѣ сообщаетъ почти невѣроятный фактъ, что онъ зналъ семьдесятъ былинъ¹⁵. Если, быть можетъ, это извѣстіе преувеличено, то едва ли на много. Нѣкоторые изъ сказителей, опрошенныхъ Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, знали до 20 былинъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о дѣйствительно богатой памяти лучшихъ сказителей, стоитъ только просмотрѣть сборникъ Гильфердинга. Мы найдемъ тамъ нѣсколькихъ сказителей, отъ которыхъ записано отъ 2,000 до 3,000 стиховъ (Воиновъ, Чуковъ, Щеголенокъ, Прохоровъ Никифоръ), но такіе общеизвѣстные, какъ Калининъ и Трофимъ Рябининъ, продиктовали собирателю каждый болѣе 5,000 стиховъ.

Очевидно, такіе сказители должны имѣть если не феноменальную, то, во всякомъ случаѣ, выдающуюся по

¹⁵ Тамъ же, ст. 296.

обширности память. Но нужно помнить, что хорошая память вообще въ крестьянствѣ явленіе заурядное, объясняющееся тѣмъ, что она не ослаблена и не избалована грамотностью. Дѣйствительно, между 70 сказителями, выслушанными Гильфердингомъ, только 6 оказались грамотными, но всѣ они были не изъ лучшихъ сказителей, знали немного, а одинъ (Касьяновъ) даже признался, что «чтеніе книгъ церковныхъ заглушило былины въ его памяти»¹⁶. Вообще память является необходимымъ условіемъ для усвоенія обширныхъ былинъ иногда переходящихъ за 600–800 стиховъ и даже за тысячу: личное сочинительство, по крайней мѣрѣ, сознательное самому сказителю, почти отсутствуетъ. Если сказитель, по наблюденію Гильфердинга¹⁷, несмотря на желаніе спѣть такъ, какъ пѣлъ его учитель, чего–нибудь не упомянулъ, то либо пропускаетъ, либо рассказываетъ

¹⁶ Тамъ же, столб. 794.

¹⁷ Тамъ же, стр. XXIII.

словами; но какъ бы онъ ни зналъ содержаніе какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши, какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпического склада это казалось бы весьма легко.

Въ виду условій, конечно, второстепенныхъ, содѣйствовавшихъ распространенію былинь въ Заонежьѣ, Гильфердингъ указываетъ на нѣкоторыя ремесла. Многіе изъ хорошихъ сказителей либо сами занимаются портняжнымъ или сапожнымъ ремесломъ, переходя изъ деревни въ деревню, или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне объясняли изслѣдователю, что, сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья или плетенья сѣтей, приходитъ охота пѣть «старины», и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, «крестьянство» (т.-е. земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, по

заглушаютъ въ памяти даже то, что прежде помнилось и пѣвалось»¹⁸.

Выше я упомянулъ, что открытіе Рыбниковымъ столь обильной эпической старины въ мѣстахъ сравнительно не столь отдаленныхъ отъ столицы казалось особенно поразительно. Казалось бы, что такія открытія скорѣе можно было бы ожидать въ глухихъ захолустьяхъ Сибири, а не въ Олонецкой губерніи. Однако, справившись со свѣдѣніями о природѣ и бытовыхъ условіяхъ этой губерніи, мы убѣдимся, что она на значительномъ протяженіи представляетъ не меньшую глушь, чѣмъ самыя удаленныя сѣверо-восточныя губерніи.

Вотъ что говоритъ Гильфердингъ про природу и бытовыя условія этого края: «Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ большимъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ

¹⁸ Тамъ же, стр. XXVIII.

сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озера, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказывается въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка: у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телѣга. Телѣга не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣ Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣ (около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью)¹⁹ возятъ, что нужно, и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ) или же на волокахъ, т.-е. оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣпляются къ

¹⁹ Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) называли тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сию сторону (т.-е. съ сѣверо-запада) его бассейна.

хому, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ сообщеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоульными, чѣмъ круглыми, деревянными, безъ желѣзныхъ шинъ, колесами. Главныя и единственно-прибыльныя работы — распаханіе «нивъ», т.-е. небольшихъ полянь, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время — сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но, чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможныя другіе заработки, а потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ: кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ

извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «полѣсуетъ», т. — е. стрѣляетъ и ловить дичь, и т. д. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усилями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умереть съ голоду. Это — народъ труженикъ въ полномъ смыслѣ слова»²⁰. Эта краткая и сильная характеристика природы и бытовыхъ условій, среди которыхъ живутъ хранители эпической традиціи, даетъ намъ возможность понять, что при всѣхъ физическихъ и духовныхъ способностяхъ, которыми, несомнѣнно, одарено олонецкое населеніе, оно въ этой тяжелой борьбѣ съ суровою природою, живя въ глухихъ поселкахъ, нерѣдко въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разобщенныхъ другъ отъ друга, окруженное лѣсами и болотами, должно было сохранить, и дѣйствительно сохранило, не мало старины въ быту, вѣрность преданію и вѣру въ чудесное. Консерватизмъ отмѣчается

²⁰ Гильфердингъ, стр. VIII и IX.

изслѣдователями губерніи и въ матеріальномъ быту, и въ обрядности, и въ вѣрованіяхъ. Немудрено, что такими же консерваторами являются олончане и въ былевой поэзіи.

Сверхъ перечисленныхъ условій, благопріятствовавшихъ сохраненію эпоса, есть еще два, указываемыя Рыбниковымъ: «Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкаго края сохранилось столько остатковъ богатырскаго эпоса, то тому причиной поэтическая природа жителей и ихъ поселенія на украинѣ между Корелою и Чудью, гдѣ они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славномъ кіевскомъ и новгородскомъ прошедшемъ»²¹. Я не рѣшусь сказать, насколько послѣднее обстоятельство имѣетъ значеніе, но о поэтической жилкѣ олончанъ ярко свидѣлствуютъ прекрасныя лирическія причитанья (свадебныя, рекрутскія, похоронныя), также записанныя въ огромномъ количествѣ среди нихъ Рыбниковымъ и

²¹ *Рыбниковъ*, ч. III, стр. IX.

Е. В. Барсовымъ. Среди женщинъ, между которыми нашлось 15 сказительницъ былинь во время поездки Гильфердинга, встрѣчаются нерѣдко положительно высокоодаренныя натуры, способныя изливать свое горе въ длинныхъ, складныхъ и иногда художественныхъ импровизаціяхъ. Нѣкоторыя изъ такихъ женщинъ пользуются извѣстностью далеко за предѣлами родной деревни и приглашаются спеціально на свадьбы и похороны. Есть не мало среди женскаго населенія и любительницъ былинь: въ біографіяхъ сказителей мы нерѣдко читаемъ, что они научились имъ отъ матерей, особенно сказительницы. Рыбниковъ сдѣлалъ наблюденіе, что у женщинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть свои любимыя былины — «бабы старины», какъ ихъ называютъ сказители: это, повидимому, такія, въ которыхъ изображена любовь и гдѣ значительная роль выпадаетъ женщинѣ (наприм., про Ставра, про Чурилу, про Ивана Годиновича). Меньше знаютъ онѣ

болѣе серьезныя былины — про Илью Муромца, про Садка, Вольгу и т. д.

Резюмируя разсмотрѣнныя условія, содѣйствовавшія въ Олонецкой губерніи сохраненію живого былевого пѣснопѣнія, мы приходимъ къ выводу, что главными условіями были: примитивность въ матеріальномъ и духовномъ быту, обусловленная природой, климатомъ и исторіей, отсутствіе крѣпостного права, малое распространеніе грамотности и несомнѣнная поэтическая воспріимчивость населенія.

Перехожу теперь къ другимъ вопросамъ, которые имѣютъ существенное значеніе для метода изслѣдованія былинь: въ какомъ видѣ дошелъ до насъ текстъ былинь? Насколько можно довѣрять точности традиціи? Насколько личность сказителей отражается въ текстахъ, отъ нихъ записанныхъ?

Значительную гарантію въ точности традиціи слѣдуетъ видѣть въ постоянствѣ и прочности сюжетовъ и былевыхъ типовъ. Дѣйствительно, если мы просмотримъ

оглавленіе тѣхъ сотенъ былинь, которыя помѣщены въ сборникахъ Рыбникова и Гильфердинга, мы убѣдимся, что число отдѣльныхъ сюжетовъ не очень многочисленно и что при значительномъ разногласіи въ подробностяхъ общія очертанія сюжета вездѣ одни и тѣ же. Новыхъ сюжетовъ почти не далъ огромный сборникъ Гильфердинга, новыхъ сюжетовъ нѣтъ надежды найти и впредь. Если дѣло идетъ объ Ильѣ Муромцѣ, мы увѣрены, что встрѣтимъ давно извѣстныя похожденія его съ Соловьемъ, съ разбойниками, съ идолицемъ и т. п., если о Добрынь, то услышимъ о змѣборствѣ или о попыткѣ Алеши взять замужъ его жену и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ надежды и познакомиться съ какимъ-нибудь новымъ типомъ богатыря. Типы ихъ прочно установлены, такъ сказать, застыли въ народной памяти и представляются столь же конкретными и сказителю, и его слушателямъ. Конечно, и здѣсь бываютъ ошибки памяти, — случится, что сказитель припишетъ одному богатырю подвигъ,

совершенный другимъ, но такіе промахи довольно рѣдки. Нравственный обликъ богатырей весьма типиченъ: Илья всегда будетъ идеаломъ мужества и спокойной увѣренности въ силѣ, всегда будетъ съ чувствомъ достоинства относиться къ князю Владимиру и съ покровительственной лаской къ юнымъ богатырямъ; Добрыня Никитичъ всегда отличаться вѣжествомъ, Чурило — франтовствомъ и женолюбіемъ и т. д.

Во-вторыхъ, не меньшею устойчивостью отличаются и такъ называемыя общія мѣста (*loci communes*) нашего эпического описанія: наприм., подношеніе и испытіе чары въ 1^{1/2} или 2^{1/2} ведра, процессъ сѣдланія коня, снаряженіе корабля и друг. (кстати упомяну замѣчаніе Гильфердинга, что именно сѣдланіе коня и снаряженіе корабля особенно близко знакомы сѣверно-русскому крестьянину. Когда ему нужно отправиться въ путь, приходится либо осѣдлатъ себѣ лошадь, либо снарядить парусную лодку²². Къ такимъ *loci communes*

²² Гильфердингъ, стр. XXV.

относятся и описаны южно-русской природы, древняго вооруженія и воинскаго быта. Мы такъ прислушались къ этимъ чертамъ нашего эпоса, что онѣ намъ не кажутся поразительны. «Мы, жители сѣверныхъ широтъ, — говоритъ Гильфердингъ²³, — не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ богатырскимъ эпосомъ, въ этихъ «сырыхъ дубахъ», въ этой «ковыль-травѣ», въ этомъ «раздольѣ чистомъ полѣ», которые составляютъ обстановку каждой сцены въ нашихъ былинахъ. Мы не замѣчаемъ, что сохраненіе этой обстановки приднѣвпровской природы въ былинахъ Заонежья есть такое же чудо народной памяти, какъ, наприм., сохраненіе образа «гнѣдого тура», давно исчезнувшаго, или облика богатыря съ шеломомъ на головѣ, съ колчаномъ за спиною, въ кольчугѣ и съ «палицей боевою». Видалъ ли крестьянинъ Заонежья дубъ? Дубъ ему знакомъ столько же, сколько намъ съ вами какой-нибудь

²³ Тамъ же, стр. XXIV и XXV.

бананъ. Знаеть ли онъ, что это такое ковыль—трава? Онъ не имѣеть о ней ни малѣйшаго понятія. Видалъ ли онъ хоть разъ на своемъ вѣку «раздолье чистое поле»? Нѣтъ, поле, какъ раздолье, на которомъ можно проскакать, есть представлѣніе для него совершенно чуждое, ибо поля, хотя онъ видитъ, суть маленькіе, по большей части усѣянные каменьями и пнями клочки пашни, либо сѣнокосу, окруженные лѣсомъ; если же видѣется кое—гдѣ чистое, гладкое мѣсто, то это не раздолье для скакуна, это — трясина, куда не отважится ступить ни лошадь, ни человекъ. А крестьянинъ этого края продолжаетъ пѣть про раздолье чистое поле, какъ будто онъ жилъ на Украинѣ!»

Если, такимъ образомъ, въ нашихъ былинахъ можно констатировать значительную прочность сюжетовъ, богатырскихъ типовъ и даже нѣкоторыхъ бытовыхъ деталей, которыя говорятъ въ пользу замѣчательной прочности традиціи, то все же нельзя забывать, что цѣлыя вѣка устной передачи должны были отразиться

во многомъ на современныхъ текстахъ былинь. Какъ бы ни была обширна память сказителей, какія бы усилія они ни дѣлали, чтобы сохранить былины въ томъ видѣ, въ какомъ они сами ихъ переняли отъ учителей, все же излагаемая ими былины не могутъ представляться точными оттисками прежнихъ и по необходимости являются новыми изданіями, иногда значительно пополненными или сокращенными, иногда даже значительно передѣланными. Известно, какое множество вариантовъ представляетъ иногда въ различныхъ записяхъ одинъ и тотъ же былевой сюжетъ. Для объясненія происхожденія вариантовъ мы должны воспользоваться драгоценными наблюденіями, лично сдѣланными Гильфердингомъ надъ сказителями, которые въ такомъ значительномъ числѣ прошли передъ его глазами.

«Можно сказать, — говоритъ онъ, — что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: места *типическія*, по большей части описательнаго характера, либо

заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяють между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ *лучшихъ* сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варианты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью и заставьте его два раза кряду пропѣть одну и ту же былину, — вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ».

Изъ этого мы можемъ вывести то заключеніе, что одинъ и тотъ же сюжетъ (наприм., бой Ильи съ сыномъ) можетъ совпадать у разныхъ сказителей только въ общихъ чертахъ и въ большемъ или меньшемъ числѣ деталей, такъ какъ ходъ дѣйствія, по наблюденію Гильфердинга, не заучивается цѣликомъ наизусть, а составляетъ переходную часть былины. Въ такъ называемыхъ *типическихъ* мѣстахъ, указываемыхъ Гильфердингомъ, я на основаніи его же словъ различилъ бы два разряда: во-первыхъ, общія мѣста (*loci communes*), т.-е. эпическія описанія, которыя отлились изстари въ опредѣленную форму (наприм., описаніе процесса сѣдланія) и переносятся свободно изъ одного сюжета въ другой, если есть для этого какой-нибудь случай. Эти мѣста составляютъ такую же принадлежность эпического склада, какъ постоянные эпитеты въ народной поэзіи. Какъ сказитель всякій разъ при упоминаніи поля прибавитъ къ нему эпитетъ *чистаго*, такъ онъ же при описаніи сѣдланія каждый разъ

воспользуется готовою, давно установленной картинкой.

Во-вторыхъ, *типическія* мѣста, какъ видно изъ приведеннаго Гильфердингомъ примѣра, это — «рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ». Такія рѣчи уже не шаблоны, а въ собственномъ смыслѣ типическія, т.-е. изъ нихъ, главнымъ образомъ, слагается типъ, духовный обликъ того или другого дѣйствующаго лица. Онѣ важны для характеристики того или другого богатыря и потому заучиваются наизусть или, по крайней мѣрѣ, тверже усвоиваются въ деталяхъ, такъ какъ на нихъ сосредоточенъ психологическій интересъ. «Перенимая» былинку отъ другого, всякій, конечно, старался твердо запомнить, что, наприм., говорилъ при такомъ-то случаѣ Илья Муромецъ, или Добрыня, или Владимиръ князь, потому что въ ихъ рѣчахъ выражается ихъ духовный складъ, и сравнительно меньше заботился о внѣшнихъ подробностяхъ сюжета, такъ какъ тутъ ему могли подслужиться готовые шаблонныя подробности эпического разсказа.

Различивъ, такимъ образомъ, въ *типическихъ* мѣстахъ Гильфердинга два элемента далеко не одинаковой важности (общія мѣста и психическія характеристики), перейдемъ къ его дальнейшимъ наблюденіямъ.

«Эти типическія мѣста, — продолжаетъ онъ, — у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, и иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, такія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ, типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти, и, затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется

во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, — они то и дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Фепоновъ — калика, т.-е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи, Антоновъ же хотя простой крестьянинъ—земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ»²⁴.

Всматриваясь въ эти наблюденія собирателя, мы можемъ выставить слѣдующія положенія относительно текстовъ былинъ.

Во-первыхъ, всего болѣе измѣненій входитъ въ описаніе хода дѣйствія, въ такъ называемыя *переходныя* мѣста. Помня часто лишь только общія очертанія сюжета, сказитель вводитъ въ рассказъ тѣ или другія детали, по своему вкусу, пользуясь обыкновенно уже готовыми образами изъ запаса своей памяти, т.-е. перенося какую—

²⁴ Тамъ же, стр. XXVII.

нибудь понравившуюся ему черту изъ одной былины въ другую. Примѣромъ такого перенесенія можно привести извѣстную расправу съ татаринѣмъ: богатырь схватываетъ его и, махая имъ, прокладываетъ себѣ дорогу. Этотъ мотивъ встрѣчается всего чаще въ приложеніи къ Ильи Муромцу въ его столкновеніяхъ съ Калиномъ—царемъ, съ Батыемъ, съ идолицемъ и даже съ разбойниками, но при случаѣ такъ же расправляются съ татарами Добрыня, Иванушко Даниловичъ, Василій Ивановичъ, сынъ князя Карамышевскаго, богатырь Суровець, причемъ нерѣдко мотивъ маханія татаринѣмъ приплетенъ совершенно некстати, безъ достаточнаго логическаго основанія. Однако, разъ введено сказителемъ маханіе татаринѣмъ, оно обыкновенно сопровождается извѣстными традиціонными словами («А и крѣпокъ татаринъ — не изломится, а и жиловать, собакамъ — не изорвется»).

Во—вторыхъ, если описательныя мѣста и прочнѣе въ своихъ деталяхъ, то все же измѣненія въ текстахъ былинь обычны и въ

этомъ отношеніи. Тотъ или другой сказитель можетъ по личному вкусу вставлять ихъ чаще или рѣже, затягивая ими ходъ разсказа или, напротивъ, сокращая его. Напримѣръ, упоминая о входѣ богатыря въ то или другое помѣщеніе, онъ можетъ вставить обычное описаніе *крестовъ* и *поклоновъ* или миновать его. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же сюжетъ съ большими или меньшими деталями, съ повтореніями шаблонныхъ мѣстъ или безъ нихъ, можетъ быть развитъ въ былинѣ въ 200 стихахъ и въ 500–800. Такъ, въ Прионежьѣ былины, вообще говоря, по наблюденію Гильфердинга, отличаются растянутостью, достигаютъ тысячи стиховъ и даже болѣе, и слышится пристрастіе къ длинному стиху, а на сѣверо–востокъ отъ озера былины обыкновенно короче, ходъ разсказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ 300–400 стиховъ²⁵.

²⁵ *Гильфердингъ*, стр. XXIX.

Въ—третьихъ, и въ *психическихъ* характеристикахъ, въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ могутъ происходить значительныя измѣненія. Не нарушая сложившагося типа богатыря, сказители могутъ по своему вкусу подчеркивать ту или другую его сторону, подбѣляя или подчерняя его нравственный характеръ.

Наконецъ, какъ мы видѣли, типическія рѣчи, сопровождающія то или другое *дѣйствіе* (наприм., маханіе татаринѡмъ), переносятся *вмѣстѣ* съ этимъ дѣйствіемъ, иногда довольно произвольно, съ одного богатыря на другого, и это, конечно, можетъ такъ или иначе видоизмѣнить или отгѣнить его духовный обликъ.

Въ—четвертыхъ, личность сказителя отражается на текстахъ и въ переходныхъ мѣстахъ, и въ типическихъ, и вообще на всемъ складѣ былинь, а также на языкѣ, въ выборѣ и болѣе или менѣе частомъ употребленіи излюбленныхъ выраженій, эпитетовъ и т. д. Отсюда вытекаютъ слѣдующія два явленія, которыя

наблюдаются въ дошедшихъ до насъ былинныхъ текстахъ.

Во-первыхъ, одинъ и тотъ же сюжетъ дошелъ до насъ во множествѣ вариантовъ, изъ которыхъ одни отличаются между собою лишь незначительными деталями, другіе сходны только въ главныхъ очертаніяхъ сюжета.

Во-вторыхъ, разные сюжеты въ устахъ одного и того же сказителя пріобрѣтаютъ замѣтное сходство въ подробностяхъ, такъ что при болѣе внимательномъ изученіи мы можемъ опредѣлить пошибъ того или другого сказителя, подобно тому, какъ можемъ изучить стиль какого-нибудь оригинальнаго писателя.

Мы видѣли, какимъ процессамъ измѣненія подвергается текстъ былинь, такъ сказать, на нашихъ глазахъ при переходѣ ихъ отъ одного сказителя къ другому. Мы видѣли, что даже одинъ и тотъ же сказитель, повторяя былину, никогда не воспроизведетъ ее во всей точности, безъ всякихъ измѣненій. Конечно, этотъ процессъ измѣненія текстовъ въ

зависимости отъ тѣхъ же условій (личности сказителя, большей или меньшей его памяти, болѣе или менѣе самостоятельнаго отношенія къ преданію длился многія столѣтія, въ теченіе длиннаго ряда поколѣній. Не трудно сказать, къ какимъ результатамъ долженъ былъ привести этотъ процессъ: современныя былины представляютъ, говоря вообще, плодъ послѣдовательнаго *искаженія* древнихъ былинь. Благодаря условіямъ, представляемымъ населеніемъ Олонецкой губерніи, былевой эпосъ только что сохранился въ своихъ главныхъ чертахъ, и это уже великая заслуга онежскихъ сказителей передъ русскимъ народомъ и наукою. Но онъ не *развивался* на этой неудобной для него почвѣ, а послѣдовательно *глохнулъ*, вырождался, какъ *глохнетъ* растеніе, пересаженное на новую почву и привезенное изъ другой страны, другого климата. Нѣтъ сомнѣнія, что былины онежскія не сложены олонецкими крестьянами и не были сложены ихъ предками. Онѣ были только,

по мѣрѣ силъ и способностей, усвоены этими предками и переданы потомкамъ. Въ настоящее время наша былевая поэзія есть крестьянская поэзія, въ томъ смыслѣ, что только крестьянское сословіе еще сохранило былины. Но онѣ были слагаемы въ другой средѣ, въ другомъ быту, чуждомъ для мужика-пахаря, и ни въ богатырскихъ типахъ, ни въ бытовыхъ чертахъ не представляютъ связи съ крестьянскою средой.

Отмѣчу лишь одинъ крупный фактъ, доказывающій, что крестьяне были только *хранителями* старины въ былевой поэзіи, но не развивали ея новыми сюжетами. Просматривая оглавленіе сборниковъ Рыбникова и Гильфердинга, можно убѣдиться въ томъ, что всѣ былины и историческія пѣсни суть только наслѣдство, полученное олонецкими сказителями отъ старины. Тутъ вы найдете былины, прикрѣпленныя къ имени и времени «старого» Владимира, былины, связанныя съ историческимъ прошлымъ Нова-города, пѣсни историческія съ именемъ Грознаго и

другихъ московскихъ царей. Все это — «старины, старинушки», по терминологіи мѣстныхъ сказителей, которыя говорятъ о лицахъ и событіяхъ иногороднихъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ Онежскому краю. Онежскіе сказители не прикрѣпили ни одного богатыря къ своей почвѣ, не создали новыхъ былевыхъ сюжетовъ, они только повторяли, что слышали, чти когда-то до нихъ дошло въ видъ былевой пѣсни. Въ громадномъ сборникѣ Гидьфердинга мы найдемъ только одну *старинушку*, связанную съ олонецкими мѣстами. Это — старинушка о Рахтѣ Рагнозерскомъ (№ 11), записанная только *еъ одномъ* пересказѣ (отъ Калинина). Здѣсь идетъ разсказъ о мѣстномъ, рагнозерскомъ²⁶, мужикѣ—силачѣ, слава о которомъ дошла до одного князя въ Москвѣ. Князь вызываетъ его изъ его деревни, чтобы выставить его противникомъ одному *неверному* борцу, и Рахта сбиль его въ кучку, за что получилъ

²⁶ Рагнозеромъ называется небольшое озеро и деревушка къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера.

отъ князя право на исключительную ловлю въ родномъ озерѣ. Если вы внимательно прочтете эту *старину*, то вы увидите въ ней лишь одиночную, неудачную попытку представить въ формѣ былины мѣстное преданіе о силачѣ. Обычный эпическій складъ лишь нѣкоторыми чертами подслужился сказителю, но вообще старина и въ этомъ отношеніи плохо выдержана. Про эту старину можно сказать то, что сказалъ Гильфердингу одинъ сказитель, Андрей Сорокинъ: «Онъ пробовалъ распѣвать въ видѣ былинь сказки, которыя рассказываются «словами» (т. — е. прозаическою рѣчью), но это ему не удалось: видя, что дѣло не ладится, онъ бросилъ эту мысль»²⁷. Такъ же не могутъ и не могли слагать новыхъ былинь олонецкіе крестьяне. Они сами говорили Гильфердингу, что то, что рассказывается словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда онъ замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались

²⁷ Гильфердингъ, столб. 872.

«выполнить» лучше это мѣсто, по никому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладицу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, сказитель отвѣчалъ: «такъ поется», а про что разъ сказано, что *такъ поется*, то свято; тутъ, значить, разсуждать нечего. Когда попадалось въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и Гильфердингъ спрашивалъ объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ; если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется» или: «такъ пѣвали старики, а что значить, мы не знаемъ»²⁸.

Такимъ образомъ, и былины про богатырей, и историческія пѣсни московскаго періода были произведеніями заносными въ Оножскомъ краѣ, и такіе заносы болѣе позднихъ пѣсенъ допетровскаго времени можно констатировать

²⁸ Тамъ же, стр. XXIV.

и въ послѣдующее время. Такъ, въ репертуарѣ сказителей попала и солдатская пѣсня о прусскомъ королѣ (№ 205), и петербургская трактирная пѣсня (№ 318), и даже одно переводное съ сербскаго стихотворенія Щербины²⁹. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не трудно прослѣдить, кѣмъ и когда была занесена какая-нибудь недавняя пѣсня. Такъ, сказитель пѣсни о прусскомъ королѣ Иванъ Захаровъ былъ, какъ узнаемъ изъ его біографіи, человѣкъ «волоки́тнѣй», т.-е. разѣзжавшій много по разнымъ мѣстамъ Россіи (ему случалось бывать даже на Волгѣ) и наслушавшійся разныхъ пѣсенъ³⁰; сказитель «Петербургской старины» (какъ озаглавлена эта трактирная пѣсня Гильфердингомъ³¹, человѣкъ *грамотный*, бывалый, ѣздящій по зимамъ къ Бѣлому морю для закупки сельдей, которыя продаетъ по городамъ. Немудрено, что въ

²⁹ Гильфердингъ, стр. XIX.

³⁰ Тамъ же, столб. 941,

³¹ „Со Щукина двора идетъ сѣдая борода, тотъ миленькій мой, пріятель дорогой“ и т. д.

обществѣ бурлаковъ и въ городскихъ трактирахъ онъ усвоилъ себѣ это произведеніе кабацкой музыки.

Для упроченія текстовъ былинь въ устной традиціи не было еще одного условія, которое кое-гдѣ служило къ сохраненію извѣстнаго эпического репертуара въ болѣе архаическомъ видѣ: въ Олонецкой губерніи пѣть и не было сказителей былинь *по профессіи*. Былины знаютъ и при случаѣ поютъ и мужики, и бабы, и дѣвушки, и портные, и рыболовы, и калики, нигдѣ это пѣніе не составляетъ профессіи, какъ, наприм., пѣніе духовныхъ стиховъ каликами. Послѣдніе, распѣвая свои стихи, снискиваютъ себѣ этимъ пропитаніе, но пѣніе былинь не даетъ имъ заработка и онѣ только случайно попадаютъ въ ихъ репертуаръ. Конечно, нашихъ сказителей поэтому нельзя сопоставлять, наприм., съ сѣверо-французскими труверами, кельтскими бардами и филами или исландскими скальдами, которые на храненіе преданій старины, на пѣніе эпическихъ сказаній смотрѣли какъ на свою

профессію или ремесло, которые кормились своимъ искусствомъ и поэтому упражнялись въ немъ, изучали его основательно. Извѣстно, напримѣръ, что такъ называемая младшая или прозаичная эдда, сложенная въ началѣ XIII вѣка Снорри Стурлусономъ (сыномъ Стурлы), представляетъ нѣчто вродѣ учебника для *скальдовъ* и на ряду съ нѣкоторыми отдѣлами сѣвернаго эпоса содержитъ учебникъ поэтики, метрики и даже трактаты грамматическаго и риторическаго содержанія для обученія скальдовъ. У насъ подобнаго обученія не было: если мы видимъ, что былины передаются отъ дѣда къ сыну и внуку, то эта передача не школьная, не основанная на внимательномъ спеціальномъ изученіи, а лишь механическое усвоеніе *при случаѣ*, насколько хватить памяти и усердія. На такія случайныя перениманія нерѣдко встрѣчаешь указанія въ біографическихъ свѣдѣніяхъ объ олонецкихъ сказителяхъ (переночеваль прохожій, пропѣль былину, былина понравилась, повторилъ, и хозяинъ

избы или кто-нибудь изъ семьи ее запомнилъ по возможности, а затѣмъ и самъ сталъ повторять въ присутствіи другихъ.) При такой случайности въ традиціи, обусловленной отсутствіемъ профессиональных пѣвцовъ, можно еще удивляться, что и въ современномъ своемъ видѣ наши былины сохранили такъ много старины въ именахъ, древнихъ бытовыхъ чертахъ и во всемъ складѣ и ладѣ.

Если мы вспомнимъ, что хранителями этого чуднаго наслѣдія старины являются исключительно крестьяне, что высшіе классы уже въ XVIII в. порвали свою связь съ народнымъ эпосомъ и утратили къ нему живой интересъ, то высоко оцѣнимъ услугу, оказанную олонецкими сказителями русской наукѣ и обществу. Они сохранили свято духовное добро, которымъ питался и услаждался въ теченіе многихъ вѣковъ весь русскій народъ до поворота части его на другую дорогу, — дорогу къ европейскому просвѣщенію, приведшую только въ наше время къ тому, что образованное общество снова проникается глубокимъ интересомъ

къ изученію духовнаго быта престоляродья
и родной поэтической старины.

Всеv. Миллеръ.